

~Михаил Лермонтов~Белла Ахмадулина~Омар Хайям~Владимир Высоцкий~

Александр Пушкин~Шарль Бодлер~Юрий Визбор

~Анна Ахматова~Уильям Шекспир~Евгений Евтушенко~Вероника Тушнова~

ЗОЛОТАЯ КОЛЛЕКЦИЯ ПОЭЗИИ

Лариса Рубальская

Кольцо горячих рук

Федерико Гарсиа Лорка~Роберт Рождественский

Золотая коллекция поэзии

Лариса Рубальская

Кольцо горячих рук (сборник)

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Рубальская Л. А.

Кольцо горячих рук (сборник) / Л. А. Рубальская — «Эксмо»,
2018 — (Золотая коллекция поэзии)

ISBN 978-5-04-097618-8

О чем пишет Лариса Рубальская? Ну конечно, о нашем, о девичьем. И пишет так, что многие женщины удивляются: откуда Ларисе известна любовная драма или, наоборот, история счастливой встречи, перевернувшей всю ее жизнь? Уникальность поэтической, да и прозаической палитры Ларисы Рубальской и заключается, видимо, в том, что каждое ее стихотворение, каждая песня – это маленькая история любви, о которой далеко не «все сказано»; и автор поразительно точно улавливает ту самую, единственную и неповторимую интонацию, на которую отзывается душа, открытая для настоящего чувства.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-04-097618-8

© Рубальская Л. А., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Таньки-Маньки, или Суп с котом	6
История первая	6
История вторая	11
История третья	16
История четвертая	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Лариса Рубальская

Кольцо твоих рук

© Рубальская Л., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Таньки-Маньки, или Суп с котом (истории любви)

История первая Примерка

Я учусь на учительницу. Впереди практика и диплом. А пока лето и пионерский лагерь. Я — вожатая. Выбатываю педагогические навыки. Когда мой отряд идет купаться, я по дороге рассказываю детям придуманные мной страшные истории и, оборвав рассказ на самом интересном, запускаю своих обалдуев в воду. Это очень хитрый прием врожденного Макаренко — ведь вытащить двенадцатилетних оболтусов из воды, подув в металлический свисток, невозможно. Свистка просто не слышно за их визгом. А я, хитрая, что делаю? Я отлавливаю кого-

нибудь одного минут через двадцать, и тихим голосом начинаю рассказывать продолжение своего детектива, оборванного на самом интересном. И через 10 секунд вся мокрая компания лежит вокруг меня на травке и внимательно слушает.

Однажды навестить одного из моих мальчишек приехал отец. Он отпросил сына на прогулку и привел его к тихому часу. Но, поцеловав сыночка на прощание, папаша не уехал, а остался поболтать со мной. Весь разговор состоял из намеков и предложений. От перегрузки эмоциями мое сердце ухнуло в какую-то бездну, и я поняла, что начинается роман.

Павел Венедиктович – так красиво звали папашу – был не очень молод, не очень красив, но почему-то притягивал меня, как сто магнитов одновременно. Павел рассказал, что он музыкант – дудит уже лет двадцать в каком-то известном оркестре. Он назвал себя – духовик. Вместе с оркестром Павел исколесил весь земной шар, а сейчас притормозил в Испании, подписав там контракт на несколько лет. Сейчас там его ждет жена с маленьким сыном, а старший сын – как раз мой подопечный – живет в Москве с бабушкой и ходит в московскую школу. А на лето бабуля отправила мальчика в лагерь, чтобы немного от него отдохнуть.

Я заметила, что Павел время от времени рассматривает свои ногти, сгибая и разгибая пальцы. Это о чем-то должно было говорить, но тогда я еще не имела жизненного опыта, и что это означает, не знала.

Прощаясь со мной, Павел, конечно, задержал мою руку в своей и, отпуская, попросил не лишать его надежды увидеть меня в Москве, когда закончится лагерная смена. А я и сама уже хотела этого, наверное, в тысячу раз больше, чем он.

В лагерь я поехала работать не только как будущий педагог. Была причина поважнее. Мне просто нужно было срочно вырваться из плена моей труднообъяснимой жизни. Я была замужем, и мое замужество можно было четко определить словами одной известной песенки:

Повстречались как-то раз
Эскимос и папуас.

Милый и наивный эскимос – это я. А кровожадный людоед-папуас – это он. На редкость не подходящая друг другу парочка. Папуас уже третий год пил мою кровь, не давая жить и водиться с моим эскимосским народом. И я решила вырваться из папуасского плена. Повод нарисовался подходящий – уезжаю работать в пионерский лагерь для педагогической практики. А где этот лагерь находится, людоеду не сказала. А сама всю смену репетировала, как вернусь уже свободной.

И тут – ура! Появился Павел! Лекарство от любви – новая любовь!

Ничего, что Павел женат, – я же не собираюсь его из семьи уводить. Просто он мне очень нужен, чтобы бесповоротно забыть моего папуаса.

В оставшиеся дни я подружилась с Аликом – сынишкой Павла и выпытывала у него всякие подробности о его папе и маме, и Алик с удовольствием выбалтывал мне всякие семейные секреты.

Лето кончилось, я вернулась в Москву, поселилась у подружки и вышла на работу в свой НИИ – я там работала машинисткой, пока училась в институте.

Конечно, первым делом я всем в машбюро рассказала про Павла, половину напридумав в свою пользу. Все машбюро, знавшее про кровопийцу, за меня порадовалось.

Дня через три наша секретарша Ирка торжественно позвала меня к телефону. По выражению ее лица я поняла, что звонит Он.

Голос Павла звучал взволнованно, он называл меня на Вы и говорил, что скучал, и считал дни, и не смогу ли я поужинать с ним в Метрополе завтра вечером?

Я ждала его звонка и обещала сама себе вести себя умно и загадочно, сдаваться не сразу, одним словом, вскружить мужику голову или вообще сделать так, чтоб он эту голову потерял.

Но вместо всего этого я завопила: – Да, да, и я скучала, и ждала, и смогу – да, завтра, в семь, у Метрополя!

Все машбюро замерло в восторге, а потом отмерло и мы начали обсуждать – в чем я пойду? И правда, ничего у меня для такого похода из одежды не было. В лагере-то хорошо – шорты, майка – и я лучше всех. То-то Павел балдел: – Дорогая, – (это я – дорогая) – какие у вас красивые ступни! А сейчас уже сентябрь, в шортах в ресторан не пойдешь, а мою юбку сколько ни гладь, все равно – как новая она выглядеть не будет. А свитерок, моя гордость, – я сама связала его, распустив на пряжу полушерстяное одеяло, – годился только для выхода на субботник.

Все мои девчонки из машбюро готовы были снять с себя все и дать мне напрокат, но предложенные сокровища имели примерно такую же ценность, как мои собственные.

И тут одна из них, Виолетта, вдруг придумала, умница, классный выход из положения – пойти в ближайший комиссионный магазин, выбрать там самое дорогое и красивое платье, заплатить за него – денег наберем, все девчонки скинутся. Одеть его на встречу с Павлом, а ярлык не снимать, и вообще носить его очень аккуратно. А на другой день принести платье обратно в комиссионку – дескать, дома еще раз примерила, и оно оказалось велико. А в течение трех дней покупки можно возвращать. Вот и вернем, а деньги снова раздадим девчонкам.

А если роман с Павлом будет продолжаться, то все это можно проделывать каждый раз – комиссионки в Москве много.

Любезная продавщица выбрала мне три наряда. И в каждом из них я отражалась в зеркалах, похожей на голливудскую кинозвезду.

Голубое кримпленовое платье с золотыми пуговицами мне очень шло, и, пока я дотопала до Метрополя, на меня глазели всевозможные дядьки разных возрастов.

Павел стоял с орхидеей в руках. Я первый раз в жизни видела такой цветок, и что это орхидея, мне объяснил Павел. На кончике цветка была какая-то пипетка с водой, и Павел сказал, что это специально, чтобы цветок не завял, и что он выбрал эту экзотическую прекрасную орхидею потому, что она похожа на меня – нежная, загадочная, необъяснимая.

В таком роскошном ресторане я была впервые. Меню в руки я брать не стала, потому что не хотела, чтобы Павел видел мои короткие машинисткинские ногти. Я поэтому же и не курила – чтоб никто не видел ногтей.

Павел читал названия блюд медленно, как будто дегустировал каждое. Я поняла из названий только два – котлета по-киевски и блины с икрой. Мне, конечно, хотелось котлету, но Виолетта, та самая, умная, предупредила – смотри, киевскую не заказывай. В ней внутри масло, и ты можешь обрызгать платье, и тогда его назад не примут.

Я заказала блины с икрой и мороженое. Мы пили шампанское, на тарелке Павла остывал шашлык, а он смотрел на меня, не откусив ни кусочка. Потом мы танцевали, и я поняла, что, если мы сейчас же не окажемся с ним наедине, Павел просто взорвется и разлетится на кусочки.

В такси Павел целовал мои пальцы с короткими обгрызанными ногтями и шептал: – Дорогая, никогда прежде я не бывал так счастлив!

Потом, устав от страсти, мы пили на кухне кофе, и я плавила от нежности к моему новому возлюбленному. Если бы сейчас открылась дверь и вошел папуас, я бы даже не испугалась, а может быть, вообще его бы не узнала.

После кофе Павел предложил мне посмотреть его квартиру, извинившись, что она слегка запущена, так как в ней уже год никто не живет. Ничего себе запущена! Если бы мое машбюро оказалось здесь, все решили бы, что пришли в музей.

Павел, как экскурсовод, показывал мне разные вещички – это малахитовый слоник из Индии, эта вазочка из Китая, а это – так, мелочь, – люстра из розовых ракушек из Таиланда.

Всего было много, у каждой штучки была своя история.

Стены одной из комнат были зеркальными, и я не сразу поняла, что это шкафы. Павел отодвинул одну панель, и я увидела, что шкаф битком набит вещами. А Павел стал снимать одно за другим с вешалок платья и рассказывать мне, где он покупал их для жены. При этом он называл какие-то фирмы, надеясь произвести этим особенное впечатление. Павел увлекся. Прикладывал платья к моей фигуре. Говорил: – Дорогая, хочешь, примерь. Тебе должно пойти.

Перья, блески, шуршащий шелк, мягкая шерсть. Ну прямо чистая коммиссионка, только на дому, где я превращалась из Золушки в принцессу.

Я смотрела, а сама боялась, что Павел услышит, как предательски громко бьется мое сердце. Ну он же взрослый, он же умный. Зачем он все это показывает? Неужели не видит, не понимает, что обижает меня, рассыпает в пыль только что построенный мною воздушный замок, где я не эскимос, а прекрасная принцесса в бесподобном кримпленовом платье?

Дальше открылись еще дверцы: – Смотри, смотри – это туфли Стеллы. – Павел впервые произнес имя жены. – А это – ее украшения, косметика. Стелла любит все красивое и дорогое. Шубы я, к сожалению, показать не смогу – Стелла их наглухо зашила в простыни, чтобы моль не съела.

В это время зазвонил телефон, Павел схватил трубку и показал мне знаками, чтоб я не произносила ни звука и не шевелилась.

Звонила жена, и Павел называл ее ежиком и говорил, что тоже соскучился, но раньше, чем через десять дней, вернуться не сможет, так как у него какие-то переговоры в министерстве культуры.

Видно, Стелла что-то спросила по поводу его верности, потому что Павел сказал: – Ты моя единственная, любимая, и никто кроме тебя мне не нужен.

Потом, как полагается, – целую, люблю и все такое, что в таких случаях говорят.

Положив трубку, Павел подошел ко мне, обнял, прижал к себе, сказал: – Не сердись, Стелла очень ревнивая, и я не мог всего этого ей не сказать.

Ночь уже плавно катилась к рассвету, Павел заснул, а я лежала и ненавидела себя – золушку несчастную. И Павла ненавидела – тоже, выходит, людоед, только из другого племени.

Будильник зазвонил в восемь. Павел пошел умываться, бриться, потом он пожарил яичницу и сварил кофе. Я валялась в постели. Павел заглянул в спальню: – Ежик, вставай!

Что ж выходит – я тоже Ежик? Не много ли ежиков на одного людоеда?

Я продолжала лежать. Павел снова заглянул: – Дорогая, ну что же ты? Кофе остывает.

А я ему: – Пашенька, не волнуйся, я потом себе подогрею. Я еще поваляюсь, у меня сегодня отгул и можно спать, сколько хочешь.

Павел ошалел от этих слов: – Давай, давай, вставай. Мало ли что отгул! Мне к десяти в министерство.

А я: – Ну и иди, не волнуйся. Я потом, когда буду уходить, дверь захлопну.

Павел этой самой дверью хлопнул так, что люстра из розовых ракушек из Таиланда чуть не рассыпалась.

Через час Павел позвонил из министерства. – Ты еще спишь? Нет? А что делаешь?

И я веселым голосом стала говорить:

– Ой, Пашенька! Я тут меряю платья твоей жены, у нас что, фигуры одинаковые? И размер обуви? Мне все так идет! Только, Пашунь, не сердись, когда я одевала серое платье, ну такое открытое, блестящее, до пола, ты еще сказал, что купил его в Париже, то, представляешь, случайно зацепила подол каблуком серебряных туфель и чуть не упала. Но, слава богу, устояла. Только подол порвался. Еще – почему бусы из зеленых камешков были на такой тонкой нитке? Порвались и рассыпались и я уже их полчаса собираю!

В трубке раздался такой звук, что я даже не сразу поняла, что это голос Павла. Наверно, этот голос Павел взял напрокат у своего духового инструмента:

– Послушай, сука! Дрянь! Плебейка! Положи все на место и вон из моей квартиры. Катись на свою помойку, крыса, ешь там объедки! И, если хоть одна вещь пропадет, я тебя уничтожу. Ты меня слышишь?

– Слышу, Павел! А теперь вы послушайте, что я скажу! Я сказала неправду! Ничего в вашем доме я не трогала, просто мне хотелось, чтобы вы, Павел, поняли, что нельзя унижать людей! Кем бы эти люди ни были! Никакого отгула у меня нет и сейчас я ухожу на работу. Дверь аккуратно закрою. А вы, Павел, живите дальше так же прекрасно; но только помните, что я не плебейка, а гордый человек! И ничего вашего мне не нужно! И на столике в кухне я оставлю деньги за блины и мороженое. А за шампанское отдать мне сейчас не хватит. Да, впрочем, я его и не заказывала.

Я положила трубку, а потом еще раз сняла, набрала знакомый номер, услышала голос своего папуаса и сказала: – Толик, это я. Откуда, откуда – не скажу. Через час буду. Жди.

На работу в этот день я так и не пошла. Да, самое главное, – девчонки из машбюро сказали, чтоб я платье голубое кримпленовое с золотыми пуговицами в комиссионку не возвращала, потому что оно мне очень идет. А деньги? – Да ладно, когда-нибудь отдашь.

История вторая

Безнадежная надежда

Девятнадцати лет отроду Надя обожглась на молоке. Молоком был Витька, за которого она вышла замуж. Ожог об Витьку был очень сильным – как врачи говорят, третьей степени. Больно-пребольно. И заживает очень долго. А когда зажило, Надежда решила, что теперь будет дуть на воду. И к моменту моего с ней знакомства она дула уже десятый год, решив раз и навсегда, что мужикам верить нельзя.

Бывало, что такая предосторожность помогала, а бывало, и нет.

Жизнь уже пододвигала Надю к цифре тридцать, а в этом возрасте паспорт без штампа о регистрации брака – печальный документ. Но Надя не печалилась, а, наоборот, гордилась, что она птица вольная, гордая и независимая. Гнездо свое у птицы было, причем очень симпатичное. И, конечно, время от времени туда залетали всякие перелетные птицы.

Работала Надежда чертежницей в конструкторском бюро, да еще подрабатывала, помогая что-то чертить студентам-дипломникам. Клиентурой ее обеспечивал муж двоюродной сестры, преподаватель какого-то технического института. Так что нужды особенной у Надежды не было, тем более что очень большой транжиркой она не была. Однажды Надя даже смогла скопить денег и съездить с подругой в Грецию. Туда в январе путевки стоят совсем недорого. И шубы там дешевые – подруга себе купила, а Надя нет – куда ходить-то?

Про таких, как Надя, говорят – хорошенькая. И, правда, на нее всегда было радостно смотреть – не толстая, не худая, не верзила, не коротышка, все в норме и на месте. И всегда улыбается. Характер такой – улыбчивый. И зубы белые-белые, ровные. Никогда не скажешь, что два передних зуба – вставленные. Взамен тех, которые Витька выбил. Это тогда же, когда сломал ей ногой два ребра. Ребра срослись, зубы доктор вставил новые, и что же Наде не улыбаться? Улыбается себе, и дует, дует на воду – осторожно живет.

А мужики от Нади балдеют – нравится она им. А Надя свои глазищи серые невинные таращит, как школьница, а потом вдруг – раз, и темнеют глаза, и уже глядит на вас грешница-блудница.

В то лето нашего знакомства Надежда разбогатела – отнесла денежки в какой-то банк-пирамиду. Пирамида потом рухнула, но Надя успела невеликий свой капитал увеличить втрое и вовремя выхватить его из рушащейся пирамиды. На все деньги Надежда купила путевку в круиз по Средиземному морю. В одноместную каюту. Правда, в трюме, без окна и около машинного отделения. Ну и что? В каюте же только спать, а все остальное время – сиди себе на палубе да разглядывай разные страны.

Я выходила на палубу рано – привыкла много лет вставать на работу, – но всегда была второй. А первой была Надежда. Придет раньше всех, шезлонг займет и сидит загорает. В это время и солнышко не такое уж жгучее. Однажды она вообще в шезлонге заночевала. А капитан поздно вечером шел из рубки и Надю на палубе заметил. И сел к ней. Они даже целовались. Но к себе в каюту капитан Надю не позвал, сказал – там жена спит. А так Надя бы пошла. А чего? Капитан симпатичный, в белом кителе. Таких у нее еще не было.

Все это мне Надежда рассказала сама, потому что через три дня совместного утреннего загорания мы уже были подружками. Я – старшей, она – младшей.

Путешествовали мы долго. Дней двадцать. И рассказать Надя успела многое, вернее, про многих. Сначала, как вы уже поняли, коротко – про Витьку, а потом про остальных, по порядку.

* * *

Военная форма очень шла Андрею. Такой мужественный. А глаза грустные. Подошел к ней в метро, попросил разрешения проводить немного. И голос тоже был грустным, как глаза.

Андрей рассказал, что он – летчик-испытатель и завтра должен вылетать на очередное задание. А задание очень опасное. И он не знает, останется ли жив. И он загадал, что если встретит в метро симпатичную девушку и она не прогонит его, то он выживет.

И Надя не прогнала. А утром, провожая Андрея на задание, перекрестила, хоть и не была особенно верующей. Андрей сказал, что, если останется жив, вернется через два дня и сделает ее, Надежду, самой счастливой женщиной на свете. И ушел.

Надежда ждала, присматриваясь к небу, – как там самолеты? Может, в одном из них летит ее отважный летчик-испытатель Андрюха.

Андрей не вернулся. Надя плакала, даже в церковь сходила – поставить свечку за упокой его души.

– Надо же, как бывает, – думала она. – И знакомы-то были всего-ничего, а как в душу запал! Герой! Болит душа, да и все. Уже три месяца не проходит.

Как-то вечером Надя, как обычно, ждала поезд в метро, народу было немного, и она услышала какой-то знакомый голос, произносивший слова, от которых оборвалась Надина, еще не отболевшая, душа. Вот что это были за слова:...понимаете, задание опасное, не знаю, останусь ли жив...

Надя обернулась. У колонны стоял целый-невредимый Андрей и грустно смотрел на миловидную девушку. Он продолжал: —...и я загадал...

Андрей играл свою заученную роль, как заправский артист. Надя подошла поближе, чтоб Андрей увидел ее. И он увидел. И не узнал.

Больше Надя не плакала. Наоборот, велела себе радоваться – хорошо, что так обошлось, а ведь мог квартиру обчистить. Где он только форму летную взял, маньяк несчастный?..

* * *

Наш пароход плыл по спокойному морю, но однажды начался сильнейший шторм, судно бросало из стороны в сторону. У многих началась морская болезнь. У меня тоже. Я лежала пластом в своей каюте. Как только я поднимала голову от подушки, все, что я в круизе съела, давало о себе знать. Как нарочно, именно в этот день у меня должен был состояться концерт. Именно за этот концерт меня с мужем пригласили в этот круиз – плавай, пей, ешь – все бесплатно. Только концерт, и все. Но шторм усиливался с каждой минутой и я чувствовала, что концерт придется отменить.

Муж стал говорить, что я обязана встать и отработать, и не подвести организаторов круиза. Я вообще не из тех, кто подводит, но похоже, я все-таки выступить не смогу.

Муж рассердился и ушел куда-то – он морской болезни подвержен не был.

Вдруг по громкой связи парохода я услышала веселый голос кого-то из руководителей круиза, который сообщал, что получена радиограмма от самого покровителя морей и океанов Нептуна, в которой говорится, что скоро шторм закончится, и мы выйдем в спокойное море.

И через некоторое время этот же голос объявил, что шторм, как и обещал Нептун, кончился. И волнение моря не больше одного балла.

Я посмотрела на часы – концерт ровно через час. Ура! Я никого не подведу.

Оделась, нарядилась, иду в кают-компанию. Уже все пассажиры в сборе. Концерт прошел замечательно – я читала стихи, рассказывала всякие истории, мы все вместе пели. Правда,

мне казалось, что еще немного покачивает, но муж объяснил, что это остаточные явления после шторма.

Наутро наш пароход держал курс на Францию. Я вышла на палубу, где уже меня ждала Надя. Вместо того чтобы похвалить меня, как я вчера хорошо выступала, Надя похвалила моего мужа – какой он молодец! Я не поняла – ав чем он-то молодец? Выступала же я!

И Надя, смеясь, рассказала мне, что на самом деле шторм вчера не кончился, но мой муж – хитрец-молодец – попросил руководство круиза объявить, что море успокоилось. Он хорошо знает мою психику и сказал, что, если так объявят, я поверю, а заодно и пассажиры поверят и успокоятся. И концерт состоится. Так оно и получилось.

Во Франции Надя на берег не сошла. Она сказала мне, что ей нездоровится. Но я догадывалась об истинной причине – у Нади нет денег, а во Франции много соблазнов. Вернее, немного денег есть, но Надежда бережет их на Стамбул – купить дубленку. И боится их потратить раньше времени.

А на следующее утро пароход уже шел дальше по курсу, а мы с Надей опять сидели на палубе и она продолжала свой рассказ...

* * *

Следующим у Надежды появился Валерик. Вернее, он появился не у нее, а у ее подружки Ленки. Ленка с ним в Парке культуры познакомилась, когда сидела на лавочке и читала книгу, Валерик подошел и поинтересовался, что девушка читает.

В тот же вечер Ленка сдалась высокому черноглазому физику-ядерщику Валерию. Он работал на синхрофазотроне в каком-то очень засекреченном научном центре. Физик любил поэзию, читал наизусть стихи Брюсова. Он говорил про Брюсова – тезка. Он – Валерий, и я – Валерий. Только он лирик, а я физик. Вот и вся разница.

Когда Валерик читал стихи, он прикрывал свои черные глаза и получалось очень душевно. Ну вот Ленка и решила своего красавца подруге продемонстрировать. Надя и пришла.

Пили мартини, музыку заводили, и Валерик по очереди танцевал то с Ленкой, то с Надеждой. Когда Надя домой засобиравалась, Валерик сказал, что двор у Леночки очень темный и он Надю до улицы проводит. А ты, мол, Леночка, пока постельку стели.

Не успели Надя с Валериком из подъезда выйти, как захлестнуло их волной. Горячей, сильной волной любви и страсти. И Ленка пролежала одна на своей накрахмаленной простыночке до утра.

А Надя и постель не стелила. Не до этого было. Еле сама раздеться успела.

Утром Валерий одевался медленно, говорил тихо. Он говорил Надежде, что в душе он большой романтик, и если верить в переселение душ, то в нем живет душа капитана Грея, а Надя – его долгожданная Ассоль. И Ассоль всегда будет ждать его на берегу, и он будет каждую ночь приплывать к ней под алыми парусами.

Через два дня синхрофазотрон вышел из строя, и капитан Грей остался на берегу – на работу не пошел. Портом его приписки стала Надина квартира. Сама Надя каждое утро убегала на работу, сидела до вечера у своего кулымана – чертила, а вечером – бегом домой, к своему Грею.

Надежда была самой счастливой и самой несчастной. Почему счастливой – ясно. А несчастливой-то почему? Да потому, что чувствовала себя предательницей. Ленка, лучшая подруга, веселая и надежная, конечно, все узнала – ну не могла ей Надя правды не сказать!

И хоть умоляла Надя подругу все понять и зла не держать, Ленка простить ее не смогла. И не звонила. А Надя скучала о ней, потому что только ей, Ленке, могла рассказать о том, что еще никогда в жизни ничего такого, что чувствует с Валерием, не чувствовала ни с кем. И жить без него теперь не сможет.

Капитан Грей оказался капризным, и Надя старалась ему во всем угодить, как могла. Прошло три месяца. А синхрофазотрон все не чинили. Чертежные деньги кончались быстро, и запас на отпуск уже кончился тоже. Надя немного одолжила на работе, но и этих денег хватило ненадолго.

И однажды Надя осторожно, чтоб не обидеть Валерика, сказала, что это не дело – дома сидеть. Мало ли сколько этот синхрофазотрон чинить будут. Может, пока другую работу поискать?

Капитан Грей обиделся, ужинать не стал и сказал, что не ожидал от своей Ассоль такой прозы.

Утром он отправился на поиски работы. И не вернулся. Надя ждала, хотела искать, но тут только поняла, что не знает даже фамилии Валерика, не говоря уже о месте нахождения этого чертового засекреченного синхрофазотрона.

А через три дня позвонила подруга Ленка – веселая и довольная. И пригласила Надю вечером к ней зайти. – Да ну их, этих мужиков. Что, из-за них ссориться? Давай, заходи, кофе попьем, Валерик Брюсова почитает...

* * *

...Вечерами на пароходе все собирались в кают-компании потанцевать. Надю часто приглашали, и она танцевала легко и красиво. Жены многих пассажиров ревниво поглядывали, когда их мужья танцевали с ней. Но их опасения были напрасны – Надежда зареклась иметь дело с женатыми мужчинами...

* * *

Следующим, правда, не сразу, в жизни обозначился Метлин. У него, конечно, было имя – Игорь, но по имени его никто не называл. Метлин был намного старше Нади – седой, невысокий, солидный. Метлин был человеком не простым, он возглавлял научно-исследовательский институт. Надя познакомилась с ним на улице. Вернее, она сама была на улице, а Метлин – в машине. Надя опаздывала на работу и решила поймать машину. Ну и поймала – вместе с водителем.

Седина в бороде была налицо, а бес в ребро Метлина постучался в тот самый момент, когда он открыл Наде дверцу своего автомобиля. Вообще-то Метлин бабником не был, но бесы иногда стучатся в ребра и к примерным семьянинам.

Метлин полюбил. Серьезно и нежно. Наверно, так выглядит последняя, поздняя любовь. Каждый вечер он приезжал к Надюше с цветами или какими-нибудь подарочками. Ненадолго. Надя не сердилась, знала – дома ждут. Понимала.

В Новый год Метлин попросил Надю никуда не уходить. Он сказал, что встретит Новый год с семьей, а потом что-нибудь придумает и приедет к своей любимой.

Надя украсила елку, сделала салат, пирог испекла, стол накрыла красиво – белая скатерть, а на ней две красные салфетки – ей и ему.

Звонок в дверь раздался около часу ночи. Надя открыла и вместо Метлина увидела очень похожую на него девушку, почти свою ровесницу. Девушка попросила разрешения войти, села у стола. Помолчала. Потом совсем не зло сказала, что все знает – Надя встречается с ее отцом.

И очень просит Надю эти встречи прекратить, потому что Метлин нужен ей, ее младшей сестре и особенно маме. У мамы очень большое сердце, и, если отец бросит их, мама не переживет.

– А вы, Надюша, молодая и красивая, и любовь свою настоящую обязательно встретите, и будете счастливы, а папу отпустите.

Надя отпустила. Метлин не сопротивлялся – у него не было сил. Институт отнимал много времени, жена лежала в реанимации, и бес в ребре успокоился.

И снова потянулись одинокие Надины дни и ночи, особенно нелюбимые выходные и праздники. Единственным мужчиной в Надиной жизни был Челлентано, который время от времени пел ей о любви с магнитофонной кассеты...

* * *

...Наш пароход плыл в обратную сторону. Где-то в Москве уже наступила осень и ее дыхание слегка чувствовалось на средиземноморских просторах.

Последним портом был Стамбул, где Надя хотела купить себе дубленку. Шумный восточный базар оглушил меня, и я Надю не видела.

Вечером все пассажиры прогуливались по верхней палубе в новеньких дубленках, рассматривая друг друга и сравнивая цены. Нади среди них не было. К ужину она тоже не пришла. А зря – в этот вечер нам дали блинчики с вишнями, которые Надя так любила.

Утром я вышла на палубу. Нади не было. Я сидела одна и думала о ней – ну почему она такая невезучая? Она и сама, о чем бы ни рассказывала, все время повторяет, что жизнь ее сплошная безнадёга. А она – безнадёжная Надежда. Ничего себе, игра слов!

– Куда ж ты делась, подружка? – думала я, уже начиная беспокоиться.

На вечер был назначен прощальный концерт, где я должна была участвовать. Я начала наряжаться, когда в каюту постучали. Я не сомневалась, что это Надя. Так оно и было.

Нарядная Надька стояла в дверях. В одной руке она держала тарелку с большим куском шоколадного торта, в другой – бутылку с вином. И улыбалась своей улыбочкой невинной блудницы.

Я спросила: – Ну, что, сдался капитан?

И в ответ Надя рассказала мне заключительную в этом круизе историю...

* * *

Перед самой Турцией Надежда познакомилась с пароходным коком Витей и сразу влюбилась в него. А он в нее. И Надя решила остаться на пароходе – на кухне для нее работа найдется. И будет она с Витей своим рядом бороздить моря и океаны. Это же лучше, чем в конструкторском бюро глаза ломать.

– И, представляешь, опять Витька, как мой первый. Наверно, это судьба. И давай за это выпьем. Ведь не зря меня мама Надеждой назвала. Ведь надежда умирает последней!

История третья

Таньки-Маньки, или Суп с котом

Кот таял на глазах, и Манька ужасно переживала, прямо с ума сходила. Кот был любимцем семейства, и его кормили на убой. Это несмотря на то, что само семейство жило туговато, и сейчас Манька стояла у прилавка гастронома, размышляя, – купить ли ей пачкупельменей или обойтись, чтобы денег хватило дотянуть до полочки, – ведь Манька в семье не одна, на ней лежит вся ответственность еще за двух Манек и двух Танек.

Дело в том, что в семье Коршуновых всегда рождались одни девочки, и каждую называли в честь ее бабушки. А сами бабушки не торопились расставаться с этим миром, доживая до восьмидесяти пяти-девяноста лет, а младшие девчонки уже лет в семнадцать-восемнадцать катали коляску с очередной Танькой или Манькой. Так что почти всегда в семье одновременно жило четыре, а то и пять поколений. Конечно, в рождении девчонок принимали участие разные мужички, но они все были как бы тенями Танек-Манек.

Манька, которая переживала из-за кота, была как раз третьей по счету – ей было около сорока, перед ней шли восьмидесятилетняя бабушка Манька и шестидесятилетняя мать Танька, а после нее – дочка Танька, которая уже водила в первый класс маленькую Маньку – свое произведение.

А кота, с которого начался рассказ, звали Васей, и он таял, несмотря на то, что в доме для него ничего не жалели – все Таньки-Маньки делили с ним свою небогатую еду. И еще ему специально покупали хамсу – мелкую рыбешку, томили ее на сковородке в ароматном подсолнечном масле, так что выходило, что Васька каждый вечер ел как бы шпроты. И при этом худел, и его красивая рыжая шкурка облезла, а шальные зеленые глаза потеряли всяческое выражение.

Переживающая Манька провела общее собрание-консилиум с участием всей семьи, предположений было много, но объяснения этому явлению так и не нашли.

Манька, отказав себе в очередной пачке пельменей, отвела Васю к платному ветеринару. Врач долго осматривал и ощупывал кота, но никакой болезни у него не нашел, но на всякий случай выписал какие-то кошачьи витамины. Васька витамины ел, но продолжал чахнуть на глазах.

Причину всего происходящего знала только одна Виктория – соседка Коршуновых. Квартира была коммунальной, обитателей там было человек двадцать, и при этом никто между собой не враждовал. Наоборот, вечерами жильцы собирались на кухне, тесно заставленной столиками и газовыми плитами, и обсуждали всем миром различные проблемы – от политики и погоды до жизни знаменитых артистов.

Разговоры о Васькином похудании шли уже третью неделю. Виктория тоже на кухне бывала, разговоры слышала, единственная знала всю правду и молчала.

Все дело было в том, что именно она, Виктория, и была виновницей происходящего.

Вика жила в этой чудной квартире уже около двух лет, замужем за Владиком – хмурым, пьющим тунецом. Как ее, хорошенькую и одаренную девчонку, угораздило так попасть замуж, никто понять не мог. Виктория была студенткой третьего курса театрального училища, подавала большие надежды. С Владиком она познакомилась случайно, на эскалаторе – у нее попал в щель каблук, и она чуть не упала. А высокий, интересный и в тот момент не выпивший Владик помог ей удержаться и освободить туфлю. А потом сработал вечный принцип, что любовь зла, полюбишь и козла. Вот Вика и полюбила, да так, что через две недели они уже расписались, и Владик привел ее жить к себе в коммуналку.

Сам Владик не работал, а есть и выпивать хотел постоянно. Стипендии Вики хватало только на макароны и готовые котлеты для Владьки, а сама – перебивайся как хочешь.

Одно время Вика перебивалась кислой капустой, причем задаром. Недалеко от училища был небольшой рыночек, где бабки-колхозницы всегда продавали квашеную капусту. Ну и покупатели, перед тем, как купить, пробовали – какая лучше. И Вика приноровилась каждый день приходить и пробовать – у одной, у другой – так напробуется, что уже, вроде, и есть не хочется.

Лафа продолжалась недолго – бабки запомнили покупательницу, которая ничего не покупает, а только пробует. Ну и в один прекрасный день опозорили бедную Вику, запретив ей пробовать капусту и вообще приходить к ним на рынок.

И тогда Виктория изобрела новый способ прокормиться. Поздно вечером, когда все жильцы укладывались спать, она выходила на кухню, где стояла миска в Васькиной едой – то с супом, то с хамсой, то еще с какой-нибудь вкуснятиной. Ну и стала Вика Васькину еду с ним на двоих делить. Иногда брала себе побольше – ведь Васька-то и сам поменьше ее будет. А иногда получалось даже так, что Вика забывала оставить коту его порцию, и Василий оставался голодным.

Виктория и сама очень переживала и несколько раз собиралась прекратить совместные с Васькой трапезы и во всем признаться Маньке. Да так и не собралась.

Развязка произошла сама собой – когда первоклашка Манька поздно ночью вышла в туалет и увидела, что на полу в кухне сидит Виктория, рядом Вася, и они вместе едят из одной миски.

Первоклашка то ли испугалась, то ли обрадовалась, но закричала так, что сама испугалась. На крик прибежали все Таньки-Маньки и другие жильцы.

Вот, скажите, что тут должно было начаться? Крики: позор! Как не стыдно! Да?!

А ничего такого не началось. Помните, я же рассказывала, что в этой квартире никто не враждовал, и поэтому бедная Виктория испугалась напрасно. Таньки-Маньки почти что хором стали Вику жалеть и говорить, что бедная девочка зря так себя мучила, надо было сказать, что есть ей нечего, и они бы сами ее подкармливали, и не пришлось бы тратиться на платного ветеринара.

Вике было очень стыдно, она плакала и обещала больше у Васьки не есть, и еще она сказала, что когда она окончит училище и станет известной артисткой, то всю квартиру пригласит на какую-нибудь модную премьеру, где она, Виктория, будет играть главную роль. И всех посадит в первый ряд.

А дней через шесть Виктория исчезла. Уехала жить к своим родителям. Нет, она не бросила Владьку – она его любила, несмотря на то, то он был пьяницей и тунеядцем. Это он бросил ее, вернее, не бросил, а явился под вечер с подвыпившей, как и он, женщиной, и сказал: – Знакомьтесь, это Виктория, моя теперь уже бывшая жена, а это – Любовь, моя новая любовь. Любовь осталась ночевать с Владиком, а Вика появилась вся заплаканная в родительском доме и дала себе и родителям слово – забыть Владика навсегда.

Владик, хоть и не сразу, но все же действительно забылся. А вместе с ним и квартира, вместе с котом Васькой, Таньками-Маньками и обещаниями премьеры с местами в первом ряду.

...А годы считать – невеселое дело,
Тогда объясните – зачем их считать?..

Виктория и не считала, а они шли и шли. Уже сыграно много ролей, главных и не главных, и цветы, и летучие и серьезные романы, и гастроли в разных городах и странах, и много разных телевизионных передач – все пришло в обмен на первую горячую молодость.

У Виктории было запоминающееся лицо, голос, который невозможно было спутать ни с каким другим, ее узнавали на улице, просили дать автограф. Характер у Вики смолodu был

хороший. Она, и став звездой, не покрылась бронзой, вела себя со всеми приветливо и дружелюбно, одевалась так же, как те, кто просил у нее автографы. И, если бы заставили обстоятельства, Вика вполне могла бы снова поесть вместе с котом из одной миски.

Взрослое замужество Виктории было удачным и радостным, и можно вполне было сказать, что кривая дорожка ее жизни вела и на крутую гору, где Вика и оказалась.

Звонили Вике часто – режиссеры, драматурги, просто знакомые и друзья.

Однажды Виктория услышала в трубке знакомый голос, но не сразу поняла – кто это и в чем дело. А поняв, радостно рассмеялась. Это был голос из далекого прошлого и принадлежал Маньке, той самой, которая страдала из-за кота. И Манька сказала Вике буднично и строго, что, хоть она, Виктория, и заслуженная артистка и по телевизору часто выступает, все равно долги возвращать надо.

Вика, смеясь, сказала, что обязательно отдаст – купит Ваське хоть все, что есть в зоомагазине, – чтоб он наелся досыта.

Но Манька печально сказала, что Васи давно нет, правда, в честь него называли мальчика, самого первого в семье, которого родила бывшая первоклашка Манька. Она и в школе училась неважно, а теперь вот семейную традицию сломала, и красивая цепочка из Танек и Манек заканчивается мальчишкой Васькой, названным вы уже знаете в честь кого.

А отдать долг Манька попросила по-другому. Дело в том, что она, Маня, работает сейчас комендантом в женском общежитии при текстильной фабрике. И девчонки-ткачихи все лимитчицы одинокие и в любовь совсем не верят, и плачут вечерами по комнатам, и одна даже повеситься грозит.

А она, Виктория, у них на стене кнопками приделана – на цветной афише, которую девчонки с забора аккуратно сорвали. Они, ткачихи, ее по телевизору часто видят и обожают. И, если Вика в общежитие к ним приедет и с ними по душам поговорит, они в любовь поверят и плакать перестанут, а одна и вообще вешаться раздумает.

Виктория приехала в общежитие на следующий день. Манька почти не изменилась, только растолстела. Она скомандовала девчонкам стулья в ряд поставить и усесться поудобнее. Викторию она называла на ты, демонстрируя лимитчицам свою близость к артистическому миру.

И Вика стала рассказывать – все-все – и про себя, и про Владьку – козла и пьяницу, и про Любовь, которая к нему однажды ночевать пришла, и про все свои слезы, и про удачу – говорила, говорила. А девчонки-текстильщицы слушали и плакали, и сама Вика тоже плакала. Особенно всем понравилось про миску с кошачьей едой.

Когда Виктория уходила, девочки ее очень благодарили за рассказ и подарили на память коврик, который они сами соткали из бракованных ниток, но получилось очень красиво.

Этот коврик до сих пор лежит у Виктории на даче, на диванчике, и на нем очень любит спать ее любимый пудель Фараон.

А через несколько дней в первом ряду на премьере в театре сидели Манька, Танька и еще одна Манька. Когда Вика в конце вышла на поклон, они хлопали громче всех.

История четвертая Тихиус!

В ту зиму обстоятельства моей жизни складывались так, что мне пришлось снимать квартиру. Квартира эта находилась в доме, построенном в тридцатые годы. Дом был четырехэтажным, с очень красивым подъездом и мраморной лестницей. Ступеньки лестницы были полные и подниматься по ним было легко. Лифт, в общем-то, нужен не был, но он имелся. Его пристроили намного позже, и я, конечно, поднималась и спускалась со своего третьего этажа на лифте.

Кларка с четвертого этажа попадалась мне в этом лифте каждый день. Казалось, что она живет ровно по моему расписанию – я из дома, и она тут как тут. Мы с Кларкой быстро познакомились и вместе топали пешком до метро – ровно 15 минут, и, конечно, по дороге болтали обо всем на свете. Сначала – о чем все малознакомые люди говорят – о погоде, об артистах и так, о всякой чепухе. Постепенно мы привыкли друг к другу, и я даже поймала себя на том, что, вызвав лифт, жду, пока хлопнет Кларкина дверь, и она сбежит на один этаж, и мы поедем вместе.

Кларке было 25 лет, но на вид она была похожа на ученицу какого-нибудь одиннадцатого класса – невысокая, тощая, глазастая. Бессмысленно рисовать Кларкин подробный портрет – чего бы я про нее ни сказала, все равно не сказала бы ничего. Обыкновенная среднестатистическая девушка. Но если бы все было действительно так просто, не стала бы я эту Кларку каждый день поджидать – мне и одной до метро топать не скучно – думай себе о чем хочешь или песенку сочиняй. Но Кларка меня как будто заколдовала – была в ней какая-то загогулина, которая отличала ее от всех остальных среднестатистических девушек. То ли душевность, мягкость невероятная, то ли внимание, с которым она слушала, то ли веселая боль, с которой она рассказывала о себе.

Что такое веселая боль? Разве такая бывает? Вообще-то нет. Но в Кларке она жила.

Теперь я попытаюсь рассказать по порядку и подробно про Кларкину жизнь – так, как она сама мне рассказывала.

До двадцати лет Кларка жила с родителями – людьми положительными и правильными. Отец был строг с дочкой, и она знала, что если у нее с кем-нибудь что-нибудь, ну сами понимаете, что – произойдет, отец узнает и вырвет ей ноги – так он сам ее предупредил.

– Учти, – говорил отец, – сначала замуж, а потом уже любовь.

Правда, Кларка считать умела, и легко подсчитала, что родители ее поженились в апреле, а в августе она уже родилась. Выходит, что любовь была все-таки раньше, чем штамп в паспорте. А теперь грозят. Но Кларка слушалась. До поры до времени.

Однажды в Кларкиной квартире сломался телефон, и они вызвали мастера, и пришел невысокий очкарик в сером свитере. Как только Кларка его увидела, она сразу поняла, что ее, как лодку, оторвало от берега, и куда она дальше поплывет, теперь зависит только от этого телефониста.

Кларка была дома одна и, когда очкарик уходил, дала ему, как полагается, на бутылку и расписалась в квитанции. Она успела рассмотреть, что фамилия мастера Жарков.

«Жарков, не уходи!» – глупо подумала Кларка, когда дверь за ним уже захлопнулась и лодка замерла на мели. Но тут водоворот развернул ее на сто восемьдесят градусов, и Кларка увидела, что в коридоре на тумбочке лежат его часы!

– Ура! Забыл! Вернется! – завопила счастливая Кларка.

И он вернулся – уже ближе к вечеру. Он вошел, посмотрел на Кларку так, как будто днем он ее не видел, протянул руку для знакомства: – Сергей.

– Клара, – пропела Кларка, и уже знала, что Жарков сейчас скажет про кораллы и Карла, который их у Клары украл. Потому что все, с кем Кларка знакомилась, обязательно это говорили. И точно. – А, та самая Клара, у которой Карл... – Сергей не договорил, улыбнулся и вдруг продекламировал:

Жарков у Клары не крал кораллы,
Жарков у Клары часы забыл.

Все-таки он оказался пооригинальнее других – порадовалась Кларка.

Жарков направился в сторону двери, и Кларка, вспомнив, как в «Войне и мире» Андрей Болконский на Наташу Ростову загадывал, задумала так – если Жарков, уходя, обернется через левое плечо, я выйду за него замуж.

Жарков обернулся через правое плечо и сказал: – Ну, что, Клара, замуж за меня хочешь? Клара вздрогнула и кивнула: – А что, может быть.

И начались встречи. Кончался сентябрь, дождь лил не переставая. Кларка влюблялась и раньше – но не так. Она считала минуты, торопила часы, когда не видела Жаркова. Каждый раз боялась, что непрекращающийся дождь сорвет их встречу.

В тот вечер, когда Жарков не пришел, дождя как раз не было. Кларка проплакала всю ночь: – Бросил! Надоела! Не переживу!

Наутро в почтовом ящике она увидела букет золотых шаров, и в них бумажка: «Прости, любимая, потом все объясню».

Это «потом» тянулось четыре дня – грустных и проплаканных. А на пятый день Сергей пришел, вызвал Кларку во двор. Они сидели на качелях, на детской площадке, и дождь размывал Кларкины слезы, потому что Жарков сказал всю правду – что он женат уже два года, и у него десять дней назад родился сын, и что он не пришел, потому что забирал жену Надежду из роддома, и что больше они с Кларкой встречаться не будут.

Кларкина душа умерла. А через два дня Жарков пришел снова и сказал, что не может жить без Кларки – самой чудной своей девочки. И душа ожила снова.

Кларка хотела, правда, спросить – а как же сын? – но не спросила.

А еще через два дня Сергей сказал, что его приятель уехал на юг и оставил ключи, чтоб он зашел и покормил рыбок. И они вместе пошли этих рыбок кормить, но рыбки так и остались голодными, а Кларкиному отцу уже было за что вырывать дочке ноги.

А потом Кларка заболела. Вообще-то аппендицит – не болезнь, а так – недоразумение, но у Кларки он оказался гнойным, и гной разлился по всему организму, и операцию делали три часа, а потом Кларка очнулась в большой палате и услышала, как женщина, лежавшая справа от нее, сказала женщине, лежащей слева, и ее слова перекинулись через Кларку, как мостик: – Жалко девчонку. Молодая, а ее так располосовали. Теперь перед мужиком раздеться не сможет. Кому такие нужны? И замуж ее теперь никто не возьмет.

А та, слева, ответила: – Да ладно, жалко – ты себя лучше пожалей. Вон, смотри, у нее на табличке имя какое чудное написано – Клара. Не русская, видно. Не могли уж по-нашему, что ль, назвать? Вон хоть Клава – похоже, а гораздо красивее. Вот у нас на стройке одна Клавдия была... – а дальше Кларка уже не слушала. Никто замуж не возьмет! Как же она жить-то будет?

Посетителей пускали с пяти часов, и уже в десять минут шестого Сергей сидел возле Кларки и гладил ее по щеке, говоря, что все пройдет, и он всегда будет рядом со своей чудной девочкой, и все будет хорошо.

Кларка, хоть и молодая совсем была, выздоравливала долго, шов гноился, и ее не выпиывали. А когда выписали, уже летел первый снег, и она пропустила в институте целых два месяца занятий, и надо было срочно догонять.

Да, я совсем забыла сказать, что Кларка училась в полиграфическом институте на редактора, а пока работала корректором в редакции толстого журнала. С утра – на работу, вечером – в институт. А потом – с Сергеем – болтались по замерзшим улицам, иногда Серега приносил ключи от квартир каких-то своих приятелей и Кларка бывала самой счастливой на свете. Что Жарков говорит жене, когда приходит поздно домой, Кларка не спрашивала. Она любила Сергея и грешницей себя не считала.

Жена Надежда развод дала только с третьего раза, когда поняла, что Серега все равно к ней не вернется.

В марте вторая жена Сергея Жаркова – Клара Жаркова – переехала жить к мужу. Как раз в тот дом, где я снимала квартиру. К моменту нашей встречи она жила там уже четвертый год.

Семья Жарковых оказалась большой, а квартира двухкомнатной. В меньшей из комнат жила сестра Сергея Нюра – одна из близняшек Шуры и Нюры. Вообще-то у сестер были красивые имена – Александра и Анна, но все звали их Шурка-Нюрка, для краткости, наверно.

Нюра жила с семьей – мужем Васей и уже своими близняшками-сыновьями Пашкой и Гошкой. Про них я расскажу попозже, потому что Кларка поселилась с Сергеем в большей комнате, где кроме них проживало еще шесть постоянных членов семейства. Комната была действительно большой, но ее на маленькие части перегораживали разноцветные ситцевые занавески.

Все это разноцветье отделяло друг от друга целые миры родных по крови и враждебных по жизни людей.

Как войдешь, справа у окна – ситцевая келья отца семейства Бориса Михалыча. Но так красиво по имени-отчеству он не величался давным-давно. В миру он был дедом Борькой.

Дальше шло жилье его жены, тети Любы, матери пятерых детей, одним из которых и был Сергей.

Потом близняшка Нюрки, которую вы уже узнали, Шурка, с мужем-сектантом Вовой и сыном Гришкой.

Справа квартировал брат Сергея Женька, а у самой двери поселились молодожены – Сергей и Кларка Жарковы. Их уголок был небольшим – метра четыре, но новая ситцевая занавеска в цветочек делала его уютным.

Кларка украсила свой уголок фотографиями известных писателей и поэтов и развела цветы – вьющиеся традесканции. Еще она хотела рыбок завести, чтоб они плавали в аквариуме, напоминая ей о том счастливом дне, когда она впервые нарушила отцовский наказ.

У Кларки был веселый, добрый характер, и все семейство, так не любившее друг друга, ее приняло и полюбило. И бывшее, привычное – «Наша Надя», быстро поменяли на «Наша Клара».

И началась Кларкина новая жизнь, из которой она узнала, что она, эта самая жизнь, может выглядеть и так.

Кларка взяла старт и рванула – на работу, ошибки в текстах исправлять, оттуда в институт, потом в магазин, если успевала до закрытия, а потом на кухню – Сережке еду готовить. Она слышала случайно, что Надежда большой мастерицей по части готовки была, и Кларке хотелось ее превзойти, чтоб Сережка случайно по бывшей еде не заскучал и жену первую не вспоминал.

И каждый вечер, только Кларка на кухне появлялась, тут же к ней выходил кто-нибудь и на остальных домочадцев жаловался.

Дед Борька новую невестку полюбил, потому что однажды она дала ему своим одеколоном подушиться, ну дед и отпил из флакона глоточек, а невестка не ругалась совсем, только засмеялась. Всех своих детей и жену тетю Любу он называл своими врагами и оккупантами – заняли они, мол, его, Борькину территорию, житья от них нет. А сам он, Борька-то, не хухры-мухры, бухгалтером раньше работал. Он гордился своими бухгалтерскими открытиями

– например, Борька подсчитал, сколько можно сэкономить денег, если по улице ходить не в обуви, а прямо в одних носках, когда не холодно, конечно. Дед умножал носки на рубли, рубли на дни, вычитал ботинки и экономия получалась очень приличная.

Однажды Кларка вынула из почтового ящика открытку-повестку – состоявшему на учете Жаркову Б.М. явиться в венерологический диспансер для сдачи анализов по поводу застарелого сифилиса.

Она даже не сразу поняла, кто этот Б.М. А дед, взяв из рук невестки повестку, смутился и произнес: – Тихиус! Это означало – тихий ужас. Просто он так чудно говорил.

Жена Борьки – тетя Люба прожила с ним к тому времени почти сорок лет. Она родила ему пятерых детей, четверо жили до сих пор с ними в одной квартире, а один, старший, Сашка – женился на балерине, поднялся и с родственниками никаких отношений не водил – жена-балерина запретила. Она, балерина, часто по заграницам моталась и боялась, что, если с родней дружбу водить, всем подарки привозить надо будет. А она этого не любила. А семья не любила такую невестку, а через нее и самого Сашку.

Все сорок лет Люба мучилась с этим старым сифилитиком Борькой. Он всю жизнь пил да гулял с бабами из своей бухгалтерии. А с ней, тихой и кроткой Любой, спал ровно столько раз, сколько у них родилось детей. Это учитывая, что две девчонки-близняшки. Итого – четыре ночи любви. За сорок почти лет. Видно, Борька и в этом деле что-то подсчитал и наводил экономию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.